

Запутанные отношения внутри необычного любовного треугольника: мнимые измены и коварные интриги

«Точки над i» в «35 ММ»

Гальего Рубен Гонсалес

премии Гальего — 2003 — 9 декабря 14

«о поездке в Россию не хочу даже думать»

Рубен Гонсалес Гальего — Газете

Премия «Русский Букер» получил автобиографический роман русскоязычного писателя, живущего в Испании, «Белое на черном» (см. публикацию в Газете от 5 декабря 2003 года). О тех событиях своей жизни, которые не описаны в книге, Рубен Гонсалес Гальего рассказал корреспонденту Газеты Наталье Кочетковой.

Ваш роман «Белое на черном» получил Букеровскую премию, хотя в списке финалистов значились книги таких маститых писателей, как Леонид Зорин и Леонид Юзефович. Для вас это что-то значит?

Для меня премия — Букеровская или какая-либо другая — это скорее выигрыш в лотерею, чем некое соревнование. Один выиграл в лотерею, другой — нет. Я не считаю, что победил кого-то конкретно. Если говорить о победе, то, может быть, я что-то победил в течение своей жизни и когда писал текст. Конечно, хотелось бы, чтобы всем дали по премии и все были счастливы.

Откуда взялась мысль написать книгу о жизни в детском доме? Не хотелось ли взять и все забыть как страшный сон и начать жизнь с чистого листа?

Наверное, каждый пишет о том, что знает, что видел. Я видел это и про это написал. Сейчас я точно могу сказать, что самым трудным моим периодом в жизни было детство.

То есть это своего рода терапия — написать, чтобы забыть?

Нет. Это сейчас, когда уже все записано, мы можем назвать это терапией, или ауто-помощью, или другими умными словами. Просто садясь, записываешь, выходит текст. Когда я писал, я об этом не думал.

А когда вы писали?

Начал я еще в Новочеркасске. Я показал текст журналистам. Они мне сказали, что это нехорошо, что так писать нельзя. Должен быть концепт, начало, конец. Повествование от лица ребенка и от лица взрослого должно различаться. И я писать бросил, пока через некоторое время не уехал за рубеж и там не познакомился с русскими эмигрантами. Потом вышла передача на радио «Свобода» с моими рассказами. Еще на меня повлиял разговор с Юзом Алешковским. Он мне сказал, что я писатель, вполне серьезно. Но самое-самое главное — это моя мама. У нее нет пьютета к писателям вообще, сознания того, что писатель — это другой человек. Когда мы познакомились уже взрослыми людьми, мне это пердалось. Можно написать книгу, можно работать программистом — все, что хочешь. Так я и написал книгу.

Когда я читала роман, меня удивил спокойный, несколько отстраненный тон повествования — ни истерики, ни надрыва. Так случайно вышло или вы к этому стремились?

Надрыва и истерики во мне фактически не было. Нельзя же написать о том, чего нет. Это просто нормальный стиль, которым общаются между собой инвалиды. Если вы попробуете поговорить с кем-нибудь в приблизительно схожей ситуации, то это будет обычный стиль общения. Даже когда человек умирает, он вам спокойно скажет: «Я умираю». Я просто записал тот стиль, который уже существует, только — в устной речи. Если послушать, как говорят между собой больные, смертельно больные, инвалиды, военные, которым приходится идти в атаку, — там нет сильных эмоций, поэтому их нет в моем тексте.

Вся книга о детстве в детском доме. При этом вы очень сжато рассказываете о ваших двух женах, о детях, ничего нет о встрече с матерью. Почему так?

На тот момент, когда я писал, я написал о том, что тогда для меня было самым важным. О том, что значимее, о чем уже успел передумать. Встреча с матерью произошла позже. Кроме того, нельзя писать о том, что не прошло проверки временем, от чего не дистанцировался в какой-то момент.

Вы не могли бы немного рассказать о своей жизни, которая не попала на страницы романа. Например, какое образование вы получили?

Фактически каждые два-три года меня переводили из детдома в детдом, и я не «попадал» в школьную программу. Или я болел, или школьная программа в этом детдоме отставала на год от предыдущей и так

далее. Поэтому я не знал, что такое ритмичное школьное образование. Я брал учебники и читал их как книжки. А когда закончилось детство, я стал читать другие книжки. Вот и все.

Но в институт вы все-таки поступили или нет?

Нет. Я официально учился в торгово-коммерческом техникуме. Но это так, полукстерном, не знаю даже зачем. Мне нравится, как пресса пишет обо мне. Сначала написали, что у меня одно высшее образование, потом — что два. Следующим шагом, видимо, напишут, что я академик. Я все прежний, а легенда растет. Ничего плохого в этом нет.

А как вы встретились с матерью?

Испанский режиссер решил снимать об инвалиде, который ищет свою мать и для этого ездит по Европе. Этот процесс длился в течение трех с половиной лет. Когда я попытался связаться с режиссером, мне было двадцать восемь — двадцать девять, а когда мы с мамой встретились, мне было уже тридцать два. Оценивать творческий замысел я не хочу, поскольку он лицо творческое — имеет право. А фактически — искали Аурору Гальего, которая достаточно известный в Европе человек. Нужно было сначала маму найти, а потом меня искать. Это можно было сделать самое большее за неделю.

Тогда почему так долго?

Режиссер искал финансирование для своего фильма, а то, что я нашел маму, — это побочный продукт его замысла.

Я читала роман в журнальном варианте под заголовком «Черным по белому», а сейчас он называется «Белое на черном». С чем связана смена названия?

Издательство «Лимбус-пресс» предложило мне издать роман отдельной книгой. В отличие от журнальной публикации этот текст большего объема и лучше структурирован. Для него выбрали название «Белое на черном».

Для вас существенна разница в названиях?

Я стал старше за время между журнальной публикацией и выходом книги. Потом в книгу вставлены дополнительные рассказы. Я не думал менять название, но мне предложили другой вариант, и я согласился. Что касается названия, обложки, я не слишком в этом разбираюсь и не настаиваю.

Сколько лет вы уже живете в Испании?

Два года.

Вы куда-нибудь выезжали за это время?

Приблизительно через год моего пребывания в Испании мне понадобилась срочная хирургическая операция. Сделали ее блестяще, но время от времени мне нужна медицинская помощь. Если говорить о технической стороне вопроса, то пока я не могу путешествовать.

А приехать ненадолго в Россию не было мысли?

Когда я вернулся в Россию из Америки, мне выдали в Шереметьево мою инвалидную коляску. Правая подножка была всунута в левое отверстие, а левая — в правое. Служащий увидел, что что-то не так, и выгнул дюралевые пластины в обратную сторону. Сидеть в ней было нельзя, но я был с американским переводчиком русского происхождения, и он выгнул все это назад. Я же все это время лежал на полу. Коляску, конечно, испортили. Коляска, которая у меня сейчас, — очень сложный прибор, и доверить ее таким людям я не могу. Поэтому не хочу даже об этом думать.

Вы сейчас что-нибудь еще пишете?

Да, конечно, но говорить об этом не могу: у меня обязательство перед издательствами.

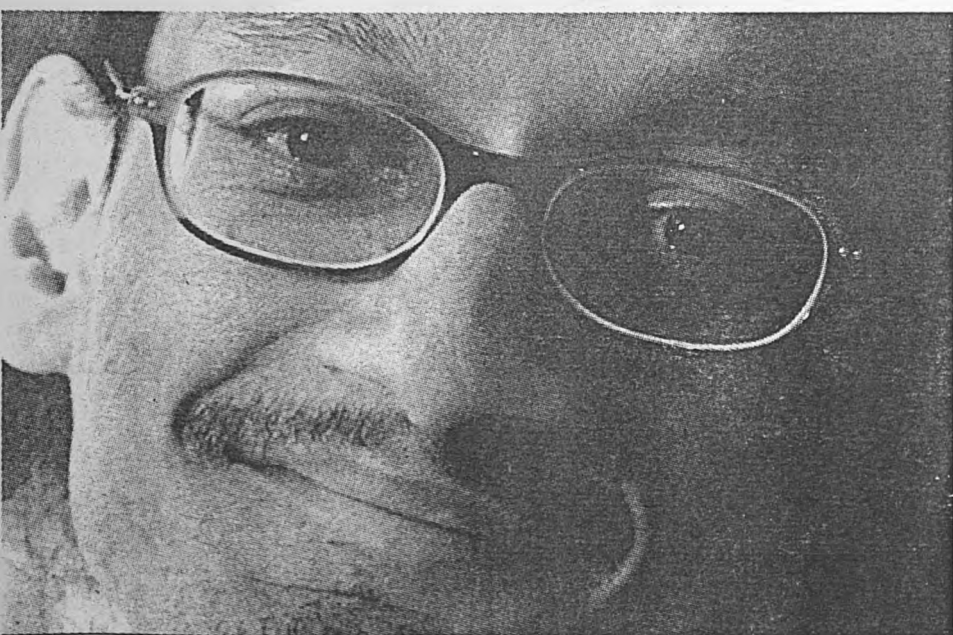
По-русски или по-испански?

Конечно, я пишу по-русски. Практически невозможно переключиться на другой язык. Единственный случай был — Набоков, но он с детства знал английский.

газета

испанец родился дважды

Рубен Давид Гонсалес Гальего и его брат-близнец родились в 1968 году в Москве, где их мать, дочь секретаря компартии Испании Аурора Гальего, училась в Университете дружбы народов. Спустя десять дней после рождения один из мальчиков умер, а другому врачи поставили диагноз «детский церебральный паралич». После ввода советских войск в Прагу отношения компартии Испании и КПСС сильно ухудшились. Аурора Гальего фактически оказалась заложницей Кремля. Во время очередной госпитализации ребенка ей сказали, что сын умер. Через некоторое время она вернулась в Испанию, а Рубен остался в детском доме. Вновь они встретились лишь тридцать лет спустя.

Рубен Гонсалес Гальего: «Записываешь, когда человек умирает, он вам спокойно скажет: «Я умираю» Фотограф: Анна Юрьенен Гальего